

Источник: Были-небыли Таганрога

Дата выпуска: 2012

Заглавие: Абиссинский колодец

Автор: И. Пащенко

Новелла

Мария Раймундовна! Дети мои, Владимир и Аделаида! Обстоятельства чрезвычайного характера и непреодолимой силы заставляют меня, Отто Оттовича Гавиха, вашего супруга и отца, презрев нравственные и общественные устои, свершить то, чему нет оправдания и прощения ни по людскому, ни по Божескому суду! Скорблю и печалуюсь о судьбе своей, но уповаю на силу милосердия Господа нашего, Иисуса Христа.

Начну же аЬ ovo¹, по порядку, что, думается мне, весьма важно для осмысления случившегося со мной.

Родился я, как вам известно, в 1853 году в Виленском крае, в семье остзейских немцев, славящихся своим практичным и незамутненным лишним философствованием взглядом на жизнь. По настоянию отца обучаться меня отправили в Виленскую 1-ю гимназию, но, не окончив последнего курса в силу причин семейного порядка, покинул я сие славное заведение, о чем неоднократно впоследствии выказывал самое горестное недоумение и сожаление. Впрочем, скорое поступление в техническое училище городка Хольцминден, что расположился в самом сердце германской земли Нижняя Саксония, укрепило меня на стезе добродетели и заслуженно возрадовало родителей моих дипломом техника.

С ним-то я и начал свое восхождение к вершинам жизненного успеха, поступив помощником машиниста на Харьковскую железную дорогу, где уже в 1886 году стал заведовать главными вагонными мастерскими Харьковского депо, чему были свидетелем и вы, Мария Раймундовна, став моей законной супругой.

Отдав лучшие порывы своей мятущейся тевтонской души железнодорожному делу и скопив небольшой капиталец сообразно чину и старанию, вышел я в отставку, дабы перебраться на постоянное проживание в приморский Таганрог, необъяснимую прелесть коего приметил, неоднократно бывая в его пределах по делам службы.

В городе этом судьба мне при соучастии жены подарила двух чудесных детей, а капитал позволил обратить пристальное внимание на доходное гостиничное дело. На мою удачу (хотя, как выяснилось впоследствии, скорее уж на мою погибель) купец Александр Баташев сдал мне в аренду двухэтажное здание под номером 57 по улице Петровской, как раз наискосок от городского театра, где я и открыл свою первую гостиницу «Руфа».

Вскоре, в 1890 году, мне удалось выкупить это здание уже в полную свою собственность, и я, желая удивить и порадовать таганрогских обывателей настоящим заграничным шиком и обхождением, переименовал свое заведение в гостиницу «Франция».

Тут справедливости ради следует упомянуть, что одновременно с хлопотами по организации гостиничного хозяйства неутоленная жажда общественной деятельности и служения на поприще технического прогресса заставили меня подступиться к решению самой животрепещущей городской проблемы - поиску и добыче питьевой воды, недостаток которой сдерживает дальнейшее развитие Таганрога и портит местные нравы.

Мой пытливый ум инженера воспылал желанием воплотить в нашей российской реальности опыт в добывании воды, что получили англичане в ходе колониальной войны против Абиссинии в 60-е годы XIX века. Мне справедливо показалось, что простейшая конструкция для подъема воды с небольшой глубины, так и прозванная - - абиссинский

¹ АЬ ovo — с начала (буквально - от яйца). (лат.)

колодец (хотя по сути своей более напоминающая скважину, нежели колодец), позволит мне насытить чистой водой страждущих таганрожцев.

Углубившись в инженерно-геологические изыскания, я по благодушному разрешению местных властей в 1891 году приступил к бурению водоносных отверстий на территории городского парка. Но все было тщетно. Бесценная влага, словно запечатанная древним проклятием, ускользала от меня, обрекая город на дальнейшее прозябание, а меня на финансовые потери.

Весьма сожалею, что в данных стесненных временем обстоятельствах не могу более подробно остановиться на принципе действия и красоте исполнения конструкции абиссинского колодца, предложенной американцем Нортонем. Но поверьте, будущее частного водоснабжения именно за данным техническим чудом!

Теперь же приступаю я к главной части моего, увы, прощального послания. В 1892 году, желая поднять престиж моей милой «Франции» на небывалую в нашей местности высоту, достойную своего и названия, и предназначения, решил я продолжить поиски воды уже непосредственно в приобретенном имении на Петровской, дабы обеспечить бесперебойное водоснабжение собственной бани при гостинице (пользующейся, к моему живейшему удовольствию, повышенным спросом у состоятельных господ).

Два (!) года, истратив шестьдесят тысяч рублей, я стремился в чрево земное, неотступно следуя поставленной цели. Алмазный наконечник моего бура достиг глубины 2004 футов, что само по себе было уже чудо, но долгожданной воды все не было.

И вот однажды... Нет, не забил долгожданный фонтан, не брызнула живительная влага, подобно струям Ипокрены из-под копыт Пегаса. Увы... Только лишь во время одного из рабочих посещений места бурения в отвале поднятой из глубин породы мелькнул золотым пятнышком некий предмет, и я, склонившись, подобрал фигурку, изображавшую, по моему скромному разумению, какое-то мифическое животное - то ли кошку с рогами на голове, то ли грифона со змеиным хвостом. Именно это существо можно ныне наблюдать в качестве набалдашника на трости, что служит мне уже почти семнадцать лет. Сунув тогда находку в карман сюртука, я продолжил работы по бурению, отчего-то считая, что именно в этот день удача наконец-то улыбнется мне своей самой счастливой улыбкой.

О, как же я был непозволительно простодушен! И чтобы закончить весьма болезненную тему поисков воды, скажу только, что городскую проблему мне так и не суждено было разрешить. Единственным же весомым напоминанием о том «подвиге» стала коллекция пород, добытых при бурении артезианского колодца во дворе гостиницы «Франция» и расположенных схематически так, что они дают наглядное представление подпочвенного строения, а также план буровой скважины с объяснениями и журнал буровых работ. Все это было передано мною в дар краеведческому музею Таганрога - в назидание, так сказать, будущим поколениям. Но скажу честно, вода перестала уже занимать мои помыслы. Что-то во мне изменилось, самую малость, но только стало это проявляться все заметнее и заметнее с каждым днем. Жаль, что обратил я на это внимание уж слишком поздно. За что теперь расплачиваюсь. Упрек этот справедлив и вам, дорогая моя супруга.

Меня словно подменили. Бурная, фривольная и даже неприглядная жизнь, что стала развиваться и проистекать во всякое время суток во «Франции», вдруг захватила и меня, отца семейства, доброго христианина, увлекая низвергнуться в бездну порока. Охваченный азартом, я принимал непосредственное участие в многочисленных двусмысленных забавах, подробности коих стали просачиваться в общественное мнение Таганрога. Да что там Таганрог! Слава, а вернее, похабная молва, разлетелась по всем окрестным городам и весям. Жаждающие грязных утех жуиры устремились под сень моих апартаментов из Ростова, Юзовки, Бахмута и даже Екатеринослава. О, как же неумоим и непозволительно щедр я был на выдумки и причуды, могущие ввести в краску даже бывалых ловеласов и бонвиванов!

Моя гостиница имела множество первоклассных номеров, все доступные в наш век технического прогресса удобства и привлекала многих именитых постояльцев.

Теперь же, перед лицом неминуемой гибели своей, вынужден признаться, как бы горько это ни звучало для близких, а также для доброго пастора моего, Рихарда Генриха Келлера, да хранит от бед его кирху Господь, что доход мой в большей части пополнялся за счет непотребства, творящегося в моем заведении. И так продолжалось многие годы!

С каждым днем становился я все более и более зависим от неведомой мне силы, что управляла всем моим естеством, направляя силы души моей лишь на грязные развлечения и неутолимую жажду наживы! И это стало меня тревожить и заботить в редкие минуты отрезвления.

Мое заведение стало притчей во языцех, синонимом библейского порока и распутства. И общество наконец решительно восстало против меня, настояв в 1902 году на закрытии гостиницы. Моя «Франция» пала! Я также, признаюсь, не без внутренних терзаний, а более под давлением общества, решил сменить образ жизни. В дальний шкаф припрятал свою роскошную трость с золотым зверем-набалдашником как символ моей весьма вольготной жизни, поступил на службу инженером на металлургический завод «Нев и К°», вернулся в лоно родной лютеранской церкви, где стал самым преданным ее прихожанином. К своему удивлению, избрался гласным городской думы и даже награжден был золотой медалью «За усердие». Поистине неисповедимы пути Господни!

Немного же погодя, словно ведомый бесом, собравшись с силами и финансами и сделав несколько явных, а по большей части тайных шагов, дабы успокоить общественное мнение, я вскоре открыл на месте «Франции» новую гостиницу, дав ей благородное имя «Европейская», которая и поныне составляет основной капитал нашей семьи. В первое время я сторонился былых забав, но вот в один из вечеров, примерно год назад, словно нарочно, решил я посетить один светский раут, что устраивался в моей гостинице неким голландским капитаном, знакомым мне еще по былым шалостям во «Франции». Надев парадный смокинг и накинув плащ, я вдруг вспомнил о своей любимой трости, что томилась в темноте шкафа. Как же она была кстати! Взяв ее в руки и крепко сжав древнее золото набалдашника, я словно скинул весь тяжелый груз прожитых лет, и бывшее игривое состояние вновь захлестнуло меня.

«Гуляка Отто вернулся!» - ликовала во мне каждая частица тела. И я в предвкушении отправился навстречу сладким проказам.

Весь вечер в гостях у голландца я не выпускал из рук трости, с восторгом впитывая слабый ток, что шел в меня из золотого зверя, наполняя сладостной силой и страстностью. Я хотел большего и большего, не зная меры в наслаждении и пороке. Не было гнусности, которую я бы не желал совершить. И совершал! Стена добродетели и нравственности окончательно рухнула во мне, впуская золотого божка в душу.

Так продолжалось несколько месяцев, которые я провел словно в тумане, ничего не понимая и не воспринимая, кроме чехарды гулянок, застолий, частных комнат и вереницы падших женщин.

И вот тогда мне стало страшно. Изю всех сил я стал сопротивляться, запираю трость в шкафу, прятать ее от себя куда только можно, пытаюсь вырваться из-под влияния своей мистической находки, но это уже не помогало. Зверь вольготно разгуливал в оскудевших садах моей души.

Мне стало больно и стыдно смотреть в глаза всякому порядочному человеку, особенно вам, моим дорогим детям, и вам, Мария Раймундовна! Я чувствовал, как неведомое зло клубится вокруг меня, делая мою жизнь пустой и никчемной.

И вот я решил. В редкие минуты, когда власть зверя ослабевала, в страховой компании «Россия» на случай своей внезапной кончины, которую я сам же стал тщательно готовить, была мною оформлена страховка на крупную сумму в восемьдесят тысяч рублей, дабы не оставить без средств к существованию семью. Потом я позаботился, чтобы не возникло подозрение в самоубийстве. Но что я вам рассказываю?

Ведь все уже случилось, раз вы читаете это письмо. И я уверен, что все было исполнено, как и задумано. Единственно, о чем прошу вас, так это избавиться от трости, и как можно скорее. Просто выкинуть ее не удастся. Я уже пробовал. Но что и как сделать, то мне неизвестно, уж не обессудьте.

Мария Раймундовна! На вас в том уповаю! На мудрость твою женскую.

Отто Оттович Гавих,
апреля 1-го 1911 года».

Молодой человек наконец оторвался от большого исписанного ровным почерком листа бумаги, аккуратно снял очки и склонил голову набок.

Такое вот послание, - сказал он, немного заикаясь. — Это мать настояла, чтобы я вам, Махора... э... как вас там... зачитал предсмертное письмо отца. Как вы уже наверняка слышали, отец мой трагически погиб 2 апреля при сборке своего браунинга, тому и свидетель невольный был — работник металлургического завода. Не знаю, что вам за дело до всего этого, да и отца уже не вернешь...

Он не спеша сложил письмо и спрятал его во внутренний карман длиннополого сюртука.

Старуха, закутанная в цветастый платок, что сидела перед ним на выброшенном азовскими волнами выбеленном древесном стволе и курила короткую трубку, протянула руку и молча ткнула длинным желтым ногтем в трость, на которую, слегка позируя, опирался младший Гавих.

- Оставь ее, а сам ступай. Завтра дам знать, когда вновь найдешь меня на берегу.

- Да к чему же трость вам, Махора, отдавать? — гость недовольно оглянулся к привезшей его лодке, что покачивалась на волнах в нескольких шагах позади него. Там сидел угрюмый молодец, с меланхоличным видом сплевывающий шелуху от семечек за борт. - Отец не в себе, вероятно, был, раз такую вещицу завещал выбросить. Звери ему все чудились. Всем известно, что выпить он любил...

Старуха пыхнула трубкой, порылась в складках своих широких шаровар и вынула небольшой мешочек на плетеном шнурке. Развязав его, она, что-то пришептывая, стала тщательно осыпать себя по кругу зеленым, остро пахнущим порошком. Потом же, не сводя выцветших глаз с гостя, засунула шепотку в тлеющую трубку и, сильно затянувшись, выпустила в него густую струю дыма.

Молодой Гавих закашлялся, крепко сжал золотое тело набалдашника и слегка подался назад. Вдруг он вскрикнул и выпустил трость. Впрочем, та, немного раскачиваясь, осталась стоять на усыпанном мелкой галькой берегу.

Он ошеломленно переводил взгляд то на покрасневшую ладонь, то на трость, то на старуху, которая была уже едва видна в клубахпряного дыма.

- Ступай, немчик, ступай... Не след тебе со зверем-то встренуться. Бога благодари да святых своих покровителей, да родительнице в ноги кланяйся, что послала тебя ко мне, не мешкая. Не выест тебя изнутри зверь-тургетай. От старых скифских царей, от древних колдунов степных этот оберег в земле скрытым лежал. Отец твой раскопал да не совладал с золотом скифским, заговоренным на погибель. Ступай скорей!

Гавих как завороченный послушно зашлепал по воде к лодке.

Махора же едва слышно затянула не то песню, не то тягучие причитания на каком-то невразумительном языке. Золотой зверь на трости вскорости встрепенулся. Потом мягко потянулся, выгибая мускулистую спину, и повел длинным раздвоенным на конце змеиным хвостом. Еще миг — и он соскочил на гальку. Тело его вдруг стало разбухать, обретая мощь и стать льва. Почти сравнявшись размером со старухой, он присел на задние лапы и с любопытством уставился на нее выпуклыми золотыми зрачками.

- Зверь-тургетай, из подземных пещер тащенный, из мрака ночного пущенный, на похоти людской кормленный, на погибели рашенный! Зверь недовольно сузил глаза и сжался. Но Махора продолжала бормотать заговор.

- Ах ты, гой еси, зверь-тургетай, уходи в землю скорее, а не то задерут тебя

калеными прутьями, сожгут огнем-полымем и черной смолой зальют. Расступись-ка, матушка, сыра земля... Пожри-ка кровь змеиную. Будьте мои слова крепки и лепки!

Вдруг она далеко вытянула руку и схватила зверя за холку. Он только жалобно пискнул и заскреб лапами. Махора же взмахнула рукой и с силой ударила зверя оземь. Когда дым сдернуло настойчивым апрельским ветерком, на ладошке старухи блестела золотая фигурка. Махора деловито выдернула из пояса плетеный шнурок, крепко обвязала им зверька и повесила себе на шею, к прочим амулетам. Затем встала и, подобрав упавшую трость, кряхтя, заковыляла по песку к высокому глинистому берегу Богудонии, где в лабиринтах рыбацких кварталов затерялась и ее хатка.

ЦГТБ имени А. П. Чехова